

ТАТЬЯНА ЛИТВИН

О влиянии В. Штерна на феноменологию сознания времени Э. Гуссерля

Возможно, анализ темпоральности представляет собой наиболее аутентичную часть феноменологии Гуссерля. Эта проблематика рассматривалась им на протяжении нескольких десятилетий и занимает важную позицию в задаче обоснования феноменологического метода в целом. Лекции зимнего семестра 1904/1905 в Геттингенском университете, известные как *Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins* и вошедшие в десятый том «Гуссерлианы», были впервые опубликованы Хайдеггером в 1928 году. Характеризуя субъективное время, представляя весь спектр производства и воспроизводства сознания / восприятия времени, Гуссерль использует тем не менее его объективные модусы — прошлое, настоящее, будущее. Этот факт является, возможно, одним из спорных в гуссерлевской теории времени. Однако, помещая время в субъективную сферу, Гуссерль отходит от психологического представления о субъективности, отграничение от психологизма становится методически необходимым для феноменологического анализа. В разные периоды творчества Гуссерль рассматривал вопросы соотношения субъективного и объективного в анализе времени. Если ранние лекции и рукописи посвящены большей частью формальной структуре внутреннего сознания времени, то тексты тридцатых годов демонстрируют включенность темпоральности в проблематику жизненного мира и феноменологии интерсубъективности. Тексты, собранные в восьмом томе *Materialien*, тематически связаны с содержанием «Картезианских размышлений» и эгологической направленностью поздних разработок Гуссерля. Темпоральность рассматривается на границе анализа психического, в том числе инстинктов, аффектов, функций телесности, отношений трансцендентального и мунданного Я. Конституирование временной формы тематизируется не только как «самотемпорализация» (*Selbst-Zeitigung*) трансцендентального Эго, но и переход к «со-конституированию» интерсубъективного времени. Таким образом, проблематика влияния психологических исследований остается зна-

чимой на протяжении всего периода творчества. Темой данной статьи является анализ одного из аспектов данного влияния, который послужил в ранних лекциях опорой для разработки понятия первичной памяти. В седьмом параграфе вышеуказанных «Лекций» Гуссерль обращается к исследованиям Штерна, демонстрируя значимость психологических штудий для становления феноменологического метода. И хотя отход от психологизма обычно связывают с именем Ф. Brentano, влияние Штерна также существенно для данной дискуссии: в известной степени оно позволяет прояснить те положения Brentano, которые вызвали критику Гуссерля. Понятие первичной памяти было достаточно часто употребляемо в психологических дискуссиях того периода, например у Фехнера, Джеймса и ряда других исследователей. Являясь неотъемлемой частью феноменологической диаграммы времени, генетика ретенции влияет и на статус дискрипции в целом, отражая трудности и закономерности формирования феноменологического языка описания времени.

Влияние Штерна, таким образом, спекулятивно является частью дискуссии Гуссерля и Brentano. Если роль исследований последнего в философии его ученика общеизвестна, то ссылка на Штерна, как правило, ускользает от внимания комментаторов¹. Хотя история философского взаимопризнания Гуссерля и Brentano заслуживает отдельного рассмотрения, все же основные положения брентановской теории времени являются исходным пунктом для представляемой темы. В первую очередь критика Гуссерля направлена на закон о первичной ассоциации, который лежит в основе психических переживаний как таковых и благодаря которому возможно возникновение непосредственных представлений. По Brentano, благодаря первичной ассоциации представления восприятия присоединяются к представлениям памяти, образуя непрерывный ряд, своего рода автоматически. Первичная ассоциация позволяет воспринимать темпоральный объект, например мелодию, как целостную данность, которая тем не менее непрерывно модифицируется и удерживается в сознании. Интуиция времени, таким образом, связана с нереальностью прошлого и будущего, которые суть лишь «видимость», вызванная первичной ассоциацией. «Реально» только настоящее, Теперь, лежащее в основе ассоциативно репродуцируемых будущего и прошлого. Временной континуум создается своего рода действием памяти, которая одновременно является видом фантазии. Гуссерль признает, что фантазия «обнаруживает специфическим образом свой продуктивный характер» и «творит новый момент представлений, а именно временной момент»². Однако

¹ Единственным систематичным изложением данной темы является статья Никола-са ДеВоррена. См.: *De Warren N. The significance of Stern's «Präsenzzeit» for Husserl's Phenomenology of Inner Time-Consciousness / The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy. V, 2005. P. 81–122.*

² Edmund Husserl's Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins. In: *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. Neunter Band. Halle. 1928. S. 375.*

у Brentano остается непроясненным характер этого вида фантазии и ее отличие от памяти. Складывается впечатление, что она подобна любому воспроизводящему акту, а значит, воспроизведение вчера пережитой последовательности ничем не отличается от непосредственных переживаний временной последовательности в настоящем³. Иными словами, отсутствует различие между памятью и фантазией как актами воспроизведения.

Следует отметить, что данная трудность Brentanовской теории является одним из ключевых пунктов в анализе Гуссерля. Именно система воспроизводящих актов воспоминания и имагинации и составляет модель феноменологического сознания времени. Критика Гуссерля направлена на непроясненность роли фантазии, однако эта непроясненность у Brentano стала следствием еще более существенной неразличенности в методологии — неразличенности акта и содержания. Проводя различие между актом как содержанием схватывания и схваченным предметом, Гуссерль обнаруживает свойства времени, последовательность и длительность, на обоих уровнях. Если, как считает Brentano, представление не допускает никаких дифференциаций и к первичному содержанию непрерывно присоединяются новые содержания, как и новые моменты времени, то анализ времени проводится только на уровне первичных содержаний. Для Гуссерля же решающим является анализ свойств актов, позволяющий в принципе ответить на вопрос, как возможно сознание времени⁴, а не время как объективная величина.

Разделение на акт и предмет связано также с той проблемой, которая в изложении Гуссерля присутствует и у Brentano, и у В. Штерна. Brentano придерживается распространенного в психологии представления о том, что для схватывания последовательности представлений необходимо нечто связующее их в едином акте. Сознание последовательности как целостности, как множественности различимых моментов «стягивает» (*umspannt*) их в единую временную точку⁵. Целостность последовательности определяется самой предметностью, а не свойствами сознания. Это допущение Штерн рассматривает как догматичное, господствующее в психологических теориях и называет его ложным⁶. Наряду с мгновенным актом сознания (*momentaner Bewusstseinsakt*) как «мгновенным целым сознания» (*momentanes Bewusstseins Ganzes*) необходимо рассматривать и темпорально растяженный акт сознания (*zeitlich ausgedehnter Bewusstseinsakt*) как самостоятельное психическое единство⁷. Именно такое единство задает свои свойства воспринимаемой предметности.

³ Ibid. S. 380.

⁴ Ibid. S. 382.

⁵ Ibid. S. 383.

⁶ Stern L. W. Psychische Präsenzzeit. In: Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. XIII (1897). S. 326.

⁷ Ibid.

Темпорально растяженный акт сознания, а точнее, тот отрезок, в который осуществляется психический акт, Штерн называет «время присутствия» (*Präsenzzeit*)⁸. Анализ «времени присутствия» относится к раннему периоду научной деятельности исследователя, более известного как одного из родоначальников дифференциальной психологии. Данные изыскания отличаются известной интуитивностью изложения, сближающей Штерна также с тонпсихологией Штумпфа. «Время присутствия» описывается на пересечении повседневного опыта и эмпирических данных. Так, невозможно утверждать, что «время присутствия» идентично с физическим временем, в течение которого длится акт. Но оно имеет законченный характер органичного единства и, соответственно, качественное, а не количественное отличие от физического времени длительности акта. Примеры с мелодией и речевыми высказываниями позволяют продемонстрировать процесс конституирования такой длительности. Последовательность тонов в мелодии, содержащая, например, четыре звука, воспринимается не как последовательность, состоящая из четырех частей, а как единое впечатление, как целостный образ (*Gesamtbild*). Четыре звука хоть и существуют последовательно, но внутри одного и того же акта схватывания, внутри «времени присутствия». Все четыре части формируют последовательное единство формы схватывания (*Auffassungsform*)⁹. Аналогичным образом слово, состоящее из одного или нескольких слогов, приобретает единство и «связанность», «сплавленность» (*Verschmelzung*) не через категориальную идентификацию, а именно в силу психической взаимосвязи, последовательности внутри психического акта. Если бы эта последовательность была задана категориально, например, знанием букв, то разница между *rot*, *Tor* и *Ort* была бы проблематична¹⁰.

Введение понятия «время присутствия», являющегося, таким образом, темпоральностью акта сознания, подчеркивает необходимость рассмотрения психического акта в его длительности. Штерн указывает на то, что длительность любого психического акта является его естественной формой, поскольку восприятие временных отношений само не может быть точечным, моментальным¹¹. Восприятие времени само темпорально—это положение является аксиомой для феноменологического анализа Гуссерля. У Штерна оно также означает, что «время присутствия» вмещает в себя субъективные свойства сознания времени и представляет собой своего

⁸ В переводе В. И. Молчанова— «время присутствующего». См.: Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. С. 24.

⁹ Stern L. W. Psychische Präsenzzeit. In: Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. S. 329–330.

¹⁰ Ibid. S. 328. Штерн приводит также пример с маленькими детьми и безграмотными, которые способны воспроизвести последовательность букв в слове, не зная значения букв. Таким образом, понятие времени присутствия, которое у Гуссерля аналогично длению акта сознания, у Штерна тематизируется с опорой на эмпирический материал.

¹¹ Ibid. S. 331.

рода чувство времени (*Zeitsinn*), интуицию времени. Данное уточнение хоть и может ассоциироваться с опытом психологических переживаний времени, но автор проводит аналогию с формулировкой Канта, определяющего время как форму внутреннего чувства¹². Кроме того, утверждая, что время присутствия является особого рода предметностью, он подчеркивает также и осуществление таковой предметности в модусе настоящего, ее «содержание является нам как настоящее (*gegenwärtig*)»¹³. Вопрос о том, что такое настоящее, ставится хотя и с психологических позиций, но определяется вполне с феноменологической точностью: настоящее—это «воплощение пространственно-временных отношений, которые могут быть предметом непосредственного восприятия. Если мы осознаем непосредственность восприятия, то его объект дан нам „в настоящем“»¹⁴. Пространственная интуиция в данном случае коррелирует с временной и также не является точечной в математическом смысле. Растяженному (*ausgedehnten*)¹⁵ «времени присутствия» соответствует растяженное пространство присутствия (*Präsenzraum*)¹⁶. И в том и в другом случае речь идет об акте схватывания отношения, например, пространственные «слева» и «справа» или «ближе» и «дальше». Важно, что темпоральное настоящее содержит в себе отношение «раньше» и «позже», но не содержит при этом отношение «прошедшее» и «наступающее», то есть Штерн не объективирует модусы времени. Воспринимаемый тон длится в настоящем как последовательность, суксесивно, а не моментально, мгновенно. Мгновенность восприятия была бы сравнима с точкой покоя, каковой настоящее являться не может. Настоящее—временной отрезок (*Zeitstrecke*), который конечен, но он не должен пониматься как математическая точка или абстрактная граница между прошлым и будущим.

Штерн задается вопросом терминологии описания временных свойств и интуиции повседневного опыта темпоральности. В процессе экспериментального анализа возникает вопрос передачи тех интуитивных данных, которые и в психологии, и в феноменологии сопутствуют интроспективному анализу. Для того чтобы придать интуитивность описанию времени присутствия, Штерн предлагает термин «проекция». На основе эмпирических наблюдений, в том числе и собственных, автор вводит данный термин для обозначения процессов, создающих внутреннюю взаимосвязанность «времени присутствия». «Проекция во время присутствия» наблюдается как своего рода предвосхищение, антиципация в последовательности воспринимаемой мелодии или в ряду слов

¹² Ibid. S. 332.

¹³ Ibid. S. 333.

¹⁴ Ibid....der Inbegriff der zeitlich-örtlichen Verhältnisse, die Gegenstand direkter Wahrnehmung sein können. Werden wir uns der Unmittelbarkeit der Wahrnehmung bewusst, so ist ihr Objekt uns gegenwärtig. S. 333.

¹⁵ Термины «растяжение» (*Ausdehnung*) и «растяженный» (*ausgedehnter*) можно неоднократно встретить и у Гуссерля.

¹⁶ Stern, a. a. O. S. 333.

в произносимом предложении. Примеры из изучения психологии слабо-видящих и слепых пациентов позволяют также обнаружить некий интуитивный акт сознания, связывающий части воспринимаемого и предвосхищающий последующие, в специфической ситуации чтения с помощью ощупывания шрифта¹⁷.

Рассуждая таким образом, Штерн обращается к понятию первичной памяти, которое позволяет проанализировать связанность сукцессии внутри «времени присутствия». Тот факт, что «время присутствия», темпоральность акта, существует как «растяженная» последовательность, приводит к необходимости анализа самих «частей» последовательности и взаимоотношений между ними как свойств акта. В дальнейшем у Гуссерля понятию первичной памяти будет отведено достаточно внимания как в описании видов памяти и воспоминания, так и в связи с проблемой идентичности восприятия. Как и Гуссерль, который фактически переименовывает первичную память в ретенцию, Штерн обращается к этому понятию с целью объяснить свойства дления. Различие, подобие, идентичность или одинаковость последовательности звуков схватывается именно в силу наличия первичной памяти как удержания живости, фиксируемости чувственных представлений¹⁸. Стоит отметить, что этот смысл сохраняется и у Гуссерля. Кроме того, различие акта и предмета в феноменологическом описании демонстрирует особого рода одновременность — как одновременность сознания и интендируемого объекта, одновременность явления и являемого¹⁹, на что указывал также ДеВоррен²⁰.

Влияние Штерна не дает оснований для утверждения, что феноменология Гуссерля повторяет положения психологических исследований того времени, хотя очевидно, что основатель феноменологии унаследовал глубокую технику интроспективного анализа науки о человеке того времени. Применительно к проблеме времени это позволяет прояснить природу имманентности как таковой и генетику самой необходимости трансцендентальной рефлексии в процессе феноменологического описания. Иными словами, подчеркнуть теоретический и практический потенциал феноменологии для анализа субъекта в целом.

¹⁷ Ibid. S. 335.

¹⁸ Ibid. S. 338–339.

¹⁹ Texte zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins (1893–1917). Felix Meiner Verlag, Hamburg. 1985. Nr. 40. S. 154. Ср. также: Hua XXXIII. S. 119–121.

²⁰ De Warren N. The significance of Stern's «Präsenzzeit» for Husserl's Phenomenology of Inner Time-Consciousness / The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy. V, 2005. P. 112.